

Ася. 1943 год

Асю разбудил грохот. Как была, босиком и в ночной сорочке, лишь накинув на плечи батину телогрейку, она выскочила во двор.

Небо над Сивым лесом горело и вздрагивало от пулеметных очередей, на сером предрассветном фоне черные силуэты самолетов были похожи на гигантских летучих мышей.

– Ой, лишенько, – послышался за спиной испуганный мамкин голос. – Подбили, ироды!

Мама стояла на крыльце так же, как и Ася, полуголая и босая. Запрокинув бледное лицо к небу, она крестилась и шептала что-то неразборчивое, наверное молитву.

Комсомолка Ася в силу молитв не верила и этой мамкиной набожности даже стеснялась. Бог тут не поможет, а кто поможет, она не знала, просто испуганно всматривалась в мечущиеся в небе черные тени, прислушивалась к вспарывающим тяжелые апрельские тучи пулеметным очередям и пыталась разобрать, какая же из теней своя.

Советские самолеты прилетали в их глухой, оккупированный фашистами край очень редко, всегда под покровом ночи. Девушка слышала, как мужики шептались про Сивый лес, партизан и диверсии, а еще про помощь. Что это была за помощь, Ася никогда не спрашивала, не маленькая уже, сама все прекрасно понимает. В Сивом лесу, в самых глухих его уголках, прячутся партизаны. Да что там прячутся! Глупость какая! Борются с фашистскими гадами, устраивают диверсии, подрывают вражеские поезда, приближают, как могут, победу. Вот к ним, партизанам, и летают самолеты. Наши самолеты...

– Ася, шла бы ты в хату, донька! – Мама перестала креститься, ее стиснутые в кулаки руки были прижаты к груди, а в глазах стояли слезы.

Самолетов было четыре, три вражеских и один наш. Мамка оказалась права, наш подбили. Теперь он летел низко-низко, едва не касаясь крыльями старых сосен, оставляя за собой дымно-огненный хвост...

– Прыгай! – взмолилась Ася, до рези в глазах всматриваясь в небо. – Ну прыгай же, родненький!

– Ася, иди домой! – Мама обняла ее за плечи, потянула назад в хату. – Мы ему ничем не поможем, только беду накличем.

Подбитый самолет раненой птицей пикировал вниз, в самую лесную чащу. А может, и не в лес вовсе, а в самую топь. Отсюда, с крыльца, невозможно было точно понять, где заканчивается лес и начинается болото. Самолет падал, фашистские «мессеры» кружились над ним, точно стервятники, не оставляя летчику ни малейшего шанса на спасение.

– Ну прыгай же! – заорала Ася во все горло, и в ту же секунду мама испуганно зажала ей рот рукой.

– Донька, что ж ты творишь? Себя не жалеешь, других пожалей. Вдруг услышат?..

– Пусть! – Ася вырвалась из маминых объятий, снова запрокинула голову к небу. Там, среди туч и огненных вспышек, распускался гигантский серый цветок. Одуванчик – подумалось некстати, маленький, беспомощный одуванчик. Парашют планировал медленно, слишком медленно. Не успеет...

– Не успеет... – эхом повторила мама. – Господи, да что же это?..

– Успеет! – Ася упрямо тряхнула головой. – Мама, это же военный летчик! Наш летчик! Мама, он не может погибнуть вот так!

Точно в насмешку над ее наивной верой, купол парашюта схлопнулся, и летчик камнем полетел вниз...

– Вот и все. – Мама снова перекрестилась. – Донька, не нужно тут стоять, пойдём в дом.

– Мам, – Ася шмыгнула носом, – мам, а если он живой еще?

– Не живой. – Мама крепко сжала ее руку и потянула в хату. – Ася, ты видела, с какой высоты он упал? Ты видела, куда он упал? Это же дрыгва¹, Ася! – Уже в сенях она замерла, внимательно всмотрелась в лицо дочери, а потом сказала: – Если жив, его наши найдут, не бросят.

– Не бросят. – Девушка поежилась от прокравшегося в дом предрассветного холода. Партизаны летчика ни за что не бросят. А вот найдут ли? Потому что одно дело – искать кого-то в лесу, и совсем другое – на Гадючьем болоте. Даже старожилы не всегда могут четко определить, где заканчивается одно и начинается другое. А сейчас еще и половодье...

---

¹ Дрыгва – трясина (белорус.).

Секунду-другую мама внимательно и тревожно смотрела на дочь, а затем кивнула своим мыслям, сказала устало:

– Зорьку пойдю подою. Все равно теперь уж не уснуть. А ты, если хочешь, поспи. Рано еще.

– Посплю. – Ася кивнула, вслед за матерью прошла из сеней в хату, прислонилась к теплему печному боку, прикрывла глаза. – Я тут на припечке полежу. Что-то холодно.

Мама оделась быстро. Натянула юбку, кофту, сунула ноги в галоши, повязала на голову платок, набросила телогрейку, уже выходя из хаты, еще раз внимательно посмотрела на Асю, хотела было что-то сказать, но лишь молча покачала головой.

Как только за ней захлопнулась дверь, Ася отклеилась от печи, заметалась по комнате, собираясь. Действовать нужно было быстро, пока мама не подоила Зорьку. Одежда, сапоги, телогрейка... Краюха хлеба, кусок сала, шкалик с самогоном, чистый рушник, если вдруг придется перевязывать раны. Вот, кажется, и все. Наверное, нужно написать маме записку, но на это уже не осталось времени. Сбитого летчика могут искать не только партизаны, но и фрицы.

Ася сунула припасы в торбу, торбу – себе за пазуху, для надежности. Оно-то, конечно, время раннее, но осторожность лишней не будет. Мало ли кто повстречается, какие станет задавать вопросы. На вопросы Ася уже и ответ придумала: идет с гостинцами к бабе Малаше в соседнюю Васькавку. Васькавка как раз на другом краю Сивого леса, если не углубляться в чащу, а шагать краем. Баба Малаша – мамкина двоюродная тетка, одинокая и старая, ей помощь нужна.

Из дому выйти незамеченной удалось, а вот из деревни... Ася была уже у поселкового кладбища, покосив-

шимися крестами и старыми могилами врастающего в опушку Сивого леса, когда ее окликнули:

– Эй, красавица, далеко собралась в такую-то рань? – Захар Прицепин, поселковый староста и первейший фашистский прихвостень, опирался на деревянную палку и смотрел на Асю с внимательным прищуром.

Ася мысленно застонала, потому что хуже Захара мог быть только какой-нибудь фашист. Да еще и не факт, что хуже. Фашист по-нашему не понимает, да и нет ему дела до какой-то местной девчонки, а Прицепину до всего дело есть.

Стараясь не смотреть на деревянную чурку, еще в ранней молодости заменявшую Захару потерянную ногу, Ася улыбнулась.

– И тебе доброго здоровьечка, Захар Степанович. К бабе Малаше я, спину у нее прихватило.

– А под фуфайкой что? – Вот ведь ирод, ничего-то от него не утаишь!

– Да так, гостинцы. – Чувствуя, как по спине стекают холодные ручейки, Ася из последних сил старалась выглядеть беззаботной.

– Гостинцы, говоришь? – Захар подошел вплотную. Молодой, статный, красивый – если бы не больная нога, быть бы такому на фронте, а он тут фашистским прихвостнем. И плевать, что люди говорят, что Прицепин на фронт самый первый рвался. Рваться, может, и рвался, да вот только сейчас он не советский человек, а доверенное лицо у фрицев. Староста... – А не покажешь гостинцы-то?

– А тебе зачем? – Ася отступила на шаг, но Захар поймал ее за рукав телогрейки, с силой потянул к себе.

– А я просто так интересуюсь, на всякий случай. – Черные цыганские глаза смотрели с неверием. – Показывай!

Высвободившись из цепких лап Прицепина, Ася вытащила из-за пазухи торбу. Захар изучал ее содержимое с мрачным пристрастием, а потом спросил:

– А самогон зачем?

– Для притирок! – сказала Ася зло. – Я же говорю, у бабы Малаши спину скрутило. – Она выдернула торбу из рук старосты, сунула обратно за пазуху. – Ну что, теперь мне можно идти, Захар Степанович?

Это еще хорошо, что рушник обмотала вокруг талии, а так бы пришлось выдумывать, зачем бабе Малаше рушник...

– Видела, над Сивым лесом самолет сбили? – вдруг ни с того ни с сего спросил Захар.

– Ничего я не видела! – Ася на старосту не смотрела, старательно застегивала пуговицы на фуфайке.

– А я видел. Летчик вроде бы успел выпрыгнуть...

– Это ты к чему? – Липкие лапы страха снова коснулись кожи между лопаток.

– Это я к тому, что герр Фишер приказал организовать в лес поисковую экспедицию. – Захар помолчал, рассматривая пуговицы на Асиной фуфайке, а потом продолжил: – С собаками и пулеметчиками.

– И зачем ты мне все это рассказываешь, Захар Степанович? – Ася поежилась.

– Да просто так, чтобы не попалась по бабьей своей дури им на пути.

– Я в Васьковку иду! – Она с вызовом вздернула подбородок. – Мне ваш лес без надобности.

– Это хорошо, что без надобности. – Захар растянул губы в холодной усмешке, черные глаза недобро блес-

нули. – Бабе Малаше привет передавай и пожелания скорейшего выздоровления.

– Непременно!

Не дожидаясь, пока староста скажет еще хоть слово, Ася обошла его по большой дуге и едва ли не бегом бросилась прочь. Принесла же нелегкая волка колченогого! Еще чего доброго станет у бабы Малаши интересоваться, приходили ли к ней гости. Видать, надо будет зайти, чтобы не было никаких подозрений...

Ася шла по склизкой после прошедшего ночью дождя дорожке и спиной чувствовала направленный на себя взгляд Прицепина. Хоть бы он про фрицев с собаками сбрыхал...

* * *

– ...А вот тут у нас четырнадцатая палата. – Петрович, совершенно спитого вида дядька в лоснящемся от бесконечного и бесконтрольного употребления халате, остановился перед обитой коричневым дерматином дверью, в которой как раз на уровне глаз имелось забранное мелкой решеткой окошко.

«Прямо как в тюрьме», – недобро подумалось Матвею.

– Это для буйных, что ли? – спросил он, с отращением рассматривая некогда позолоченную, а сейчас облезшую дверную ручку.

– Ну как сказать?.. – Петрович пожал сутулыми плечами, шмыгнул красным, усыпанным сосудистыми звездочками носом. – Можно и для буйных. Оборудована она как надо, сам видишь. – Он с непонятной гордостью кивнул на окошко. – Но

вообще-то это блатная палата, ее сам главврач ведет. Так что тут всякие клиенты встречаются: то буйные, то тихие, но все непростые — вот!

— А сейчас там кто? — спросил Матвей устало.

Двухчасовая экскурсия по этой образцово-показательной частной психиатрической лечебнице уже успела вселить в душу тоску и уныние. Может, лечебница и в самом деле образцово-показательная — никаких других Матвею видеть вообще не доводилось, — но до чего ж мрачная! И вот странное дело: вроде бы сделано все на совесть, даже как-то нарочито красиво и радостно, стены выкрашены в веселый небесно-голубой цвет, линолеум на полу вполне себе новый и чистый, цветочки в кадках, жизнеутверждающие плакатики в красном уголке, шторы канареечного оттенка, но вот отчего-то сразу понятно, что место это необычное, насквозь пропитанное людскими страданиями и годами копившимся, уже почти коллективным, душевным нездоровьем. Может, из-за запаха? Неистребимой, с самого порога шибящей в нос смеси дезсредств, лекарств и безнадёжности. Какая именно нота отвечала за безнадёжность, Матвей пока не вычленил, но четко понимал — в этом старом трехэтажном особняке она поселилась давно и, по всей вероятности, надолго. Ладно, экскурсию бы Матвей как-нибудь пережил, за свои неполных тридцать он и не такого успел навидаться, но тут ведь не экскурсия! В этом неприятном месте, ловко маскирующемся под элитное лечебное заведение, ему предстояло работать санитаром. Отныне у него в коллегах спившийся Петрович, а в начальниках лощеный тип с бегающими глазками

и самодовольной физиономией. Как там его? Егор Васильевич Стешко, кажется. Молодое дарование, светило психиатрии и подающий какие-то там надежды научный сотрудник.

Главврач Матвею не понравился с первого взгляда, было в нем что-то неправильное, ненастоящее, точно за личиной добропорядочного и всеми уважаемого гражданина прятался не совсем адекватный тип. Матвей даже мысленно окрестил его доктором Джекилом, а потом устыдился своих поспешных выводов. Ведь вполне может статься, что на лицо молодого дарования и светила психиатрии наложила отпечаток специфика его работы, этакая профвредность. Вот только уж больно он молод, чтобы пострадать от профвредности. Сколько ему? На вид двадцать пять — двадцать семь, не больше. Сопляк, а уже при регалиях. Не иначе как блатной...

— Алена Михайловна там сейчас. — Всю дорогу балагуривший и сыпавший медицинскими байками Петрович вдруг приосанился и на мгновение стал похож не на конченого пропойцу, а на вполне нормального мужика.

— А Алена Михайловна у нас кто? — поинтересовался Матвей, пытаясь поверх плеча Петровича заглянуть в забранное решеткой оконце.

— Из наших она, из медиков. — Петрович отчего-то досадливо покачал лысеющей головой. — Доктор она... была. Вроде бы даже с главным на одном курсе училась. Оттого он ее к себе и взял по старой дружбе, из профессиональной солидарности, так сказать. Это ж дорого сейчас — лечиться в стационаре. Да еще таком, как этот. Так что сам видишь...

Матвей еще раз посмотрел на дерматиновую дверь с тюремным окошком и подумал, что солидарность какая-то уж больно сомнительная. Интересно, как к ней относится сама Алена Михайловна?

— А чего она у вас отдельно? — спросил он, понизив голос до шепота. — Совсем, что ли, буйная?

— Сам ты буйный! — с укором сказал Петрович. — Нездоровая она, вот что! Нездоровая! А что буйная, так не все время. Егору Васильевичу удалось правильное лечение подобрать, сейчас уже получше все.

Что получше, Матвей спрашивать не стал, вместо этого задал другой вопрос:

— Эта блатная палата тоже в нашем ведении?

— Ага, — Петрович положил заскорузлую, похожую на корягу ладонь на дверную ручку. — Раньше тут Григорьевна управлялась, но пару месяцев назад решили, что мужчине ловчее будет. Особливо после того, как Алена Михайловна...

Что такого сделала пациентка блатной палаты с санитаркой Григорьевной, Петрович так и не сказал, вместо этого порылся в карманах халата и вытащил на свет божий увесистую связку ключей. На связку Матвей посмотрел с нескрываемым удивлением. Как объяснил сам Петрович, в целях безопасности почти все двери в отделении не имели ручек и открывались универсальным ключом, дубликат которого был в наличии у каждого медработника — от лечащего врача до санитара. Нормальных дверей в этом ненормальном месте раз два и обчелся... Тогда зачем же столько ключей?..

— Люблю я, понимаешь, это дело. — Петрович с нежностью посмотрел на свою связку. — И они меня любят. Верить, не я их нахожу, они сами меня находят. Иду, а они то под ногами, то просто в замках забытые. Как же можно бросить? Это ж плохо, когда они бесхозные...

Да, бесхозные ключи — это плохо, хуже может быть, только когда санитар обращается со своими железками как с живыми...

А ведь Галка предупреждала! Специально статьи подсовывала со всякими психиатрическими страшилками, пыталась отговорить. Да только он не из пугливых, у него, может быть, своих собственных странностей на половину этой психушки хватит.

— Петрович, а мы в блатную палату зайдём? — спросил Матвей, отчасти чтобы перевести разговор в более конструктивное русло, а отчасти из-за того, что устал стоять перед закрытой дверью.

— А ты думаешь, я тебя сюда привел, чтобы свою коллекцию показать? — Санитар с неуловимой для взгляда проворностью выцепил из связки нужный ключ, вставил его в замочную скважину, а потом, через плечо оглянувшись на Матвея, строго сказал: — И чтобы мне это... С уважением чтобы! И не пялься на нее, она этого не любит.

— Не буду пялиться, — заверил Матвей, но, оказавшись в блатной палате, тут же забыл о своем обещании.

Палата была самой обыкновенной. Он уже мысленно приготовился узреть обитые стегаными матами стены и стопку смиренных рубашек, но вместо этого увидел железную кровать, белую

тумбочку и небольшой стол с россыпью изрисованных черным бумажных листов. Скорее даже не изрисованных, а исчерканных — дергано, хаотично и совершенно безумно. Петли, загогулилки, силуэты, смутно похожие то на человеческие, то на птичьи, мотыльки с изломанными крыльями. Пикассо отдыхает... Такие же петли, силуэты и крылья были выцарапаны чем-то острым на стенах. Даже странно, вроде бы буйным не должны давать в руки ничего колюще-режущего...

— Григорьевна как-то ложку алюминиевую забыла, — шепнул Петрович. — Утром пришла — а стены вот такие. Наверное, всю ночь работала.

Он так и сказал — работала, как будто эту наскальную живопись можно называть работой, как будто это не вернейшее подтверждение психического нездоровья милейшей Алены Михайловны.

Матвей так увлекся разглядыванием абстракции на стенах, что внимание на пациентку обратил далеко не сразу, а когда обратил, то уже не смог оторвать взгляда. А Петрович говорил не пялиться...

Она была сумасшедшей, настоящей, стопроцентной сумасшедшей, именно такой, какими их описывают в книгах и изображают в психологических триллерах. Не просто худая, а с той болезненной худобой, которую не может скрыть даже мешковатая больничная одежда. Тонкая шея, узкие запястья, нервные пальцы, выпачканные чем-то черным. Матвей не сразу понял, что это художественный уголь. Наверное, после инцидента с ложкой карандаши и ручки у нее забрали, а может, и вообще не давали. Но даже не худоба

и не чересчур подвижные, точно живущие своей собственной жизнью пальцы кричали о душевном нездоровье пациентки из четырнадцатой палаты. Чтобы убедиться в этом окончательно и бесповоротно, достаточно было заглянуть ей в лицо.

В отличие от рук лицо оставалось совершенно неподвижным, лишенным мимики и хоть какого-нибудь выражения, живыми на этом лице-маске оставались только глаза. Да и живыми ли? У нормального человека просто не может быть такого взгляда. Увлекающаяся фотографией Галка назвала бы его расфокусированным, но у Матвея имелось свое определение. Взгляд пациентки был направлен в никуда. Она не просто смотрела сквозь них с Петровичем, она, казалось, видела что-то позади них. Или даже в них самих, но эта идея казалась уж совсем бредовой, и Матвей ее решительно отринул, сосредоточившись на необычном сине-зеленом цвете радужки, на совсем не по-девчоночьи коротких, но таких черных и таких густых ресницах, что глаза казались густо подведенными, на остром, припорошенном бледными веснушками носу, сосредоточенно поджатых губах, небрежном мазке угля на правой щеке и коротких, неаккуратно подстриженных каштановых волосах. Эта прическа с убийственно короткой челкой а-ля Жанна д'Арк наводила на невеселые размышления не хуже, чем расфокусированный взгляд и пальцы, с отстраненной сосредоточенностью кромсающие на мелкие кусочки лист бумаги. Сумасшедшая... пожалуй, самая сумасшедшая из всех здешних пациентов. Классика жанра...

— А мы вот пришли поздороваться. — Петрович деликатно откашлялся и ткнул Матвея в бок, наверное, чтобы не пялился. — Алена Михайловна, вы сегодня чудесно выглядите.

Это лживое «чудесно выглядите», адресованное женщине, которая и на женщину-то не особо похожа, окончательно утвердило Матвея в мысли, что сохранить душевное здоровье, работая в таком неприятном месте, дано не каждому. А Галка предупреждала, что и его такое ждет. Может, она и не ошибалась, но деньги им нужны до зарезу, и тут уж не до жиру. Поработает в психушке, с него не убудет...

— А на улице сегодня погода такая замечательная, — продолжал заливаться соловьем Петрович. — Вот просто райская благодать. Через часик непременно сходим на прогулку. Да, Алена Михайловна?

Как и следовало ожидать, Алена Михайловна промолчала, но кромсать бумагу перестала. Наверное, санитар расценил это как добрый знак и продолжил уже другим, гораздо более бодрым голосом:

— Я вас познакомить хотел с нашим новым... сотрудником. — Он дернул парня за рукав, подтаскивая поближе к несчастной. — Алена Михайловна, это Матвей, мой напарник. Я его уже проинструктировал, он вам докучать не станет. Не станешь же? — он снова дернул Матвея за рукав.

Вместо ответа Матвей лишь неопределенно пожал плечами. Вот уж сомнительное удовольствие — добиваться внимания сумасшедшей.

— Он не станет! — уверенно заявил Петрович. — Только в рамках инструкций, — добавил

чуть тише. — Вы же, Алена Михайловна, сами врач, должны понимать, что без инструкций никак.

Если бывший врач Алена Михайловна что-то и понимала, то виду не подала, вместо ответа она принялась заплетать в косицу полоски бумаги. Взгляд ее по-прежнему оставался расфокусированным. Жуть, одним словом...

Смотреть на пациентку не было никаких сил, и Матвей устался на окно палаты. Наверное, потому, что палата номер четырнадцать находилась на первом этаже, а может, и согласно инструкциям, окно было забрано решеткой, но не простой, а ажурной, выкрашенной в белый цвет. Блатная решетка для блатной палаты. Но имелось и еще кое-что, приковавшее к себе внимание Матвея: стекло было усеяно трупиками мотыльков. Это выглядело так, словно насекомые на максимальной скорости врезались в окно. Странно...

— Едва ли не каждый день приходится мыть, — проследив за его взглядом, шепотом сказал Петрович. — Вот прямо как медом им тут намазано, летят и летят. Как только снег сошел, так и полетели. А зимой так и в палате появлялись. А это плохо, — добавил он совсем тихо.

— Почему плохо? — так же шепотом поинтересовался Матвей.

— Мне кажется, она их боится. — Петрович кивнул на стены. — Видал, как страхи свои проецирует?

На какое-то мгновение Матвею показалось, что Петрович не просто санитар, а спившийся психиатр, наверное, из-за этого мудреного выраже-

ния про проецирование страхов, но сменщик тут же совсем неизящно шмыгнул красным носом, и наваждение развеялось. Хотя с мотыльками все равно странно.

— И на прогулке вокруг нее всегда вьются, — добавил санитар, — но тех она не боится.

— Это почему?

— Потому что те дневные, а эти ночные, — ответил Петрович как-то совсем уж невпопад. Сказал и засуетился, забегал глазами по палате, а потом произнес, как показалось Матвею, даже с легким полупоклоном: — Ну, Алена Михайловна, мы пойдем? Я позже загляну, когда придет время на прогулку собираться. Может, вам нужно что? Так вы скажите.

— Выключите свет, — сказала Алена Михайловна, и Матвей, почти привыкший к ее неприсутствию в этом мире, от неожиданности вздрогнул.

— Что? — Петрович подался вперед, точно не расслышал слов пациентки.

— Выключите свет, — повторила та. — Когда нет света, они не летят. А со светом летят и разбиваются... У них хрупкие крылья, они ломаются. Понимаете? — Расфокусированный взгляд всего на мгновение остановился на Матвее, и от этого ему стало не по себе. — Им, наверное, что-то нужно от меня, а я не понимаю, что... — Пациентка вздохнула, закрыла грязными ладонями лицо. Бумажная кошечка с тихим шорохом спланировала на пол.

— Видно, не помогло лечение, — с жалостью сказал Петрович. — А мы-то уже обрадовались. Выключим свет, Алена Михайловна! Раз просите, непременно выключим! Вот прямо сейчас! — Он

решительным шагом направился к выключателю и даже постучал по нему пальцем. — Все! Нету света! Не потревожат они вас больше!

— Не потревожат? — Ярко-синий глаз блеснул в просвете между тонкими пальцами. — Вы так думаете, Иван Петрович?

— Я в этом уверен! — Петрович приосанился и посветлел лицом. — Ну, вы отдохните пока, порисуйте... а мы пойдем. Дела у нас еще...

Он говорил и пятился к двери, волоча за собой Матвея, и, лишь оказавшись в коридоре и повернув в замке ключ, выдохнул вроде как с облегчением.

— Обалдеть... — только и смог пробормотать Матвей.

— Не то слово. — Санитар пошарил в кармане халата, вытащил помятую пачку сигарет и вопросительно посмотрел на Матвея. — Покурим, что ли, напарник?..

Ася. 1943 год

С веток прямо за шиворот сыпались холодные капли, а под ногами громко хлопала грязная жижа. Впрысках собираясь на выручку неизвестному летчику, Ася совсем забыла, каким непроходимым может быть Сивый лес весной. Да еще такой половодной весной...

Нет, она не боялась леса. Сказать по правде, она даже Гадючьего болота, того самого, в глубь которого опасались заходить даже старожилы, не боялась. Она вообще считала себя храброй и решительной, может, решительнее некоторых мужиков. Она бы и на фронт непременно пошла, накинула бы себе пару годков и пошла,

вот хоть бы санитаркой! Или в партизаны! Минувшей зимой задали они фрицам жару, а в марте так и вовсе прямо в Васьковке подорвали машину с фашистским полковником, тем самым, который в октябре приказал долла сжечь вместе с жителями соседнюю Малую Слободу... И если бы не партизаны, так бы он и топтал землю безнаказанным, гад такой...

Правда, сразу после нападения на немецкого полковника все окрестные деревни замерли в испуганном ожидании. Mamka спешным порядком отправила Асю в райцентр к тетке. Ничего не объяснила, просто, как только до их родного Студенца дошел слух о случившемся в Васьковке, наскоро собрала вещи дочери и велела ей не возвращаться из города до тех пор, пока она сама за ней не придет. Мучительных двадцать пять дней Ася не находила себе места, ждала и боялась дожидаться страшных вестей из дома. Бог миловал! Так сказала мама, когда появилась на пороге теткиной хаты. За те дни, что они не виделись, мама сильно осунулась и, кажется, постарела.

– Бог миловал, донька! – Она устало опустилась на лавку, скинула обувь и снизу вверх поглядела на Асю.

– Обошлось? – Ася села рядом, обняла маму за плечи.

– Гражданских не тронули.

– А кого тронули? – Сердце забилося быстро и испуганно.

– Сивый лес бомбили. – Мама опасливо покосилась на запертую дверь, продолжила громким шепотом: – Федос Прокопчик сказал, что из наших двадцать человек полегло. Алеся, младшенького его, контузило сильно.

Ася испуганно поежилась. Если дядька Федос сказал, значит, так оно и есть, потому что у него в партизанах –

два сына и зять. И сам он уже давно ушел бы в леса, если бы не парализованная жена. Значит, бомбили...

– Асенька, страху столько было. – Мама стянула с головы платок, вытерла им влажный от пота лоб. – Васьковских на рассвете к сельсовету согнали, автоматчиками окружили... Стариков, детей – всех. Как в Малой Слободе... Но обошлось, смилостивился Господь. Баба Малаша рассказывала – шесть часов под автоматными дулами людей продержали, а потом пригрозили, что будут расстреливать каждого, кого заподозрят в связи с партизанами, и отпустили...

Тот разговор каленым железом впечатался в Асину память. Разговор, испуганные мамини глаза, тонкие пальцы, комкающие платок, и плохо скрываемая дрожь в голосе. Именно тогда девушка окончательно поняла, что станет помогать партизанам. Она даже решилась на разговор с дядькой Федосом. Хотя какой разговор?! Не получилось у них никакого разговора. На робкую Асину просьбу зачислить ее в партизанский отряд рябое лицо дядьки Федоса налилось кровью, а руки потянулись к ремню.

– В партизаны?! – заревел он. – А я вот тебя сейчас как перетяну по мягкому месту! Ишь что удумала, ду-реха! В партизаны ей захотелось...

Наверное, дядька Федос выполнил бы свою угрозу, если бы из-за выцветшей занавески, за которой стояла кровать его жены, тети Люси, не послышался умоляющий голос:

– Федос, что ты кричишь?! Себя не жалко, девку пожалей!

– Девку пожалеть? – Он обвел комнату невидящим взглядом, а потом сказал уже спокойнее: – Так я ж ее, дуру такую, и жалую. Она ж думает, что в партиза-

нах перники¹ раздают. А там, Аська, не перники, там свинец. – Он устало опустил на лавку, поскреб лысеющую макушку и продолжил: – Ты вот что... ты, Аська, про этот разговор забудь. Не знаю я, где партизанский отряд. Не знаю. А если бы и знал, так не сказал бы. О матери своей подумай. А ну как батяка с фронта не вернется и ты в болотах сгинеешь...

– Батя вернется, а я не сгину! – буркнула Ася, выбегая из негостеприимной хаты дядьки Федоса.

– ...Не сгину! Я болота получше вашего знаю! – Ася зло тнула ногой хилую березку и тут же зашипела от просыпавшейся с ее веток росы. – Не сгину, – упрямо повторила она, кутаясь в телогрейку и поудобнее пристраивая за пазухой торбу с припасами.

– Сгину... – эхом отозвался Сивый лес. – Сгину-у-у...

– А вот хрен вам! – Ася развернулась лицом к чаще, погрозила кулаком.

На мгновение, всего на долю секунды, ей показалось, что черные еловые лапы вздрогнули. Померещилось. Или зверь какой. Мало ли в Сивом лесу зверей! И вообще, нечего тут стоять, раненый летчик долго ждать не сможет! О том, что вполне может стать так, что ее вообще никто не ждет и что вылазка эта глупая и бесполезная, Ася старалась не думать. Едва не по колено проваливаясь в вязкую, сочащуюся талой водой землю, она упорно шла в глубь леса, не обращая внимания на усиливающееся с каждым шагом чувство, что за ней кто-то наблюдает.

Некому тут наблюдать! Были бы партизаны, так давно бы уже вышли. Да она бы их услышала раньше, чем они ее, потому что Ася с ранних лет в лесу, батя

---

¹ Перники – пряники (белорус.).

ее еще совсем маленькой с собой на охоту брал и всему обучал, что сам ведал. А знал он об этих местах много, еще от своего отца, Асиного деда.

Чтобы окончательно убедиться, что вокруг нет ни единой живой души и бояться совершенно нечего, Ася замерла и, сдернув с головы платок, прислушалась.

...Она ошиблась. Издалека, может, даже с самой лесной опушки, доносился собачий лай. Не сбрежал Захар...

Подгоняемая лаем и собственным страхом, Ася бросилась вперед, к тонкой меже между лесом и болотом. Сбитого летчика нужно искать именно там, а на болото фрицы не сунутся. Раньше никогда не совались...

Тропка после зимы была почти незаметной, но Ася знала, где ее искать, оттого, видно, нашла очень быстро. Раньше такими вот тропами, обозначающими периметр и лишь кое-где немного углубляющимися в дрыгву, было прочерчено все Гадючье болото, на котором росла самая знатная в округе клюква, а сейчас троп этих осталось совсем мало. За клюквой уже давно никто не ходил... И не из-за войны, Гадючье болото считалось недобрый местом еще задолго до Асиного рождения. Студенецкие, васьковские и слободские отваживались собирать ягоды только у самого его края, никогда не углубляясь далеко и уж тем более не забираясь на Гадючий остров.

Да и был ли он вообще, этот остров, который, по преданиям, сторожат огромные змеи?! Про него много рассказывали, некоторые особо брехливые хлопцы хвалились, что побывали на Гадючем острове и даже прошли сквозь гадючий туман, но Ася твердо знала – врут! Если даже ее бесстрашный батя ни разу там не бывал, то куда уж остальным?! А вот про туманы истинная правда. Таких густых и страшных туманов, как над Гадючьим болотом,

не встретишь ни в каком другом месте. Именно из-за них и сгнуло в дрыгве столько народу, из-за непроглядной мути, в которой не видно собственной вытянутой руки, не то что болотной тропы. А огромные гадюки, выползающие из тумана и утаскивающие в топь всякого, кто отважится нарушить невидимую границу, – это фольклор, сказки! Нет никаких туманных гадюк, есть людская привычка к преувеличениям.

Странное дело, Ася не верила в сказки, но с каждой секундой на душе становилось все тревожнее. Может, от усиливающегося собачьего лая за спиной, а может, оттого, что тропка совсем исчезла и пробираться теперь приходилось почти наугад, прощупывая зыбкую землю перед собой подобранной еще в лесу длинной палкой. Теперь ледяная болотная жижа хлопала не только под ногами, но и в сапогах. Пальцы сначала болели от холода, а сейчас совершенно онемели. Наверное, это было плохим признаком, наверное, следовало что-то предпринять, разжечь огонь и хоть как-то согреться, но костер в ее положении был непозволительной роскошью, потому что теперь помимо заливастого собачьего лая она уже отчетливо слышала и горланную немецкую речь. Фашисты были уже близко, они не слышали сказок про Гадючье болото и ничего не боялись.

Ася тоже уже не боялась. Теперь она шла, точно заведенная, не особенно понимая, куда и зачем идет. Холод от ног поднялся, кажется, к самому сердцу, притормаживая его размеренный ритм, прибивая обессиленную девушку к земле.

Про шкалик с самогоном она вспомнила, уже почти теряя сознание. Сбитому летчику он, может, и не пригодится, а вот ей понадобится точно. После трех

жадных глотков желудок обожгло огнем, а на глазах вернулись слезы, но, странное дело, в голове прояснилось.

Рукавом телогрейки девушка стирала злые слезы, когда увидела сначала грязно-серый парусиновый остров, а потом неподвижно лежащее прямо в холодной воде тело. Вот она и нашла своего летчика...

* * *

Они сидели в маленьком, но очень уютном больничном парке, под старой яблоней на выкрашенной в салатовый цвет скамейке, и молча курили. Петрович думал о чем-то своем, а Матвей исподтишка рассматривал больничное хозяйство. Территория была ухоженной, чувствовалось, что доктор Джекил придает немалое значение не только лечебному процессу, но и хозяйственной части. Аккуратные деревянные беседки, подстриженные кусты, побеленные бордюры и стволы яблонь, перед главным входом — скульптурная композиция, абстрактная до такой степени, что у Матвея закралась мысль, а не произведение ли это одного из пациентов. Все добротное, красиво, почти по-домашнему. Пасторальную картинку портили лишь основательный трехметровый забор, запертые железные ворота и будка со скучающим детинушкой внутри. На память тут же пришло окно палаты номер четырнадцать, точно аппликацией, украшенное крылышками мотыльков и почти не изуродованное ажурной решеткой — такая видимость нормальности и благополучия, маскировка...

— Она меня по имени-отчеству назвала, — вдруг заговорил Петрович. — Я думал, она забыла меня давно, а получается, что даже имя-отчество помнит.

— Как это — забыла давно? — Матвей посмотрел на санитаря сквозь сизую пелену сигаретного дыма. — Она у вас здесь сколько?

— С прошлой осени. В октябре, помнится, привезли.

Значит, с октября. А сейчас уже конец мая. Получается, где-то полгода. Не такой и большой срок...

— Не о том думаешь. — Петрович в раздражении покачал головой, словно и в самом деле прочел мысли Матвея. — Я ж ее пациентом был.

— Пациентом?..

— Три года назад с предынфарктным состоянием в больницу загремел. А Алена Михайловна там на дежурстве. Я ж тогда уже получеловеком был. — Петрович невесело усмехнулся. — Пьяница, что с меня взять? Зачем такого жалеть? А она пожалела! Ругалась, правда, сильно, что я сердце свое не берегу, еще что-то говорила. Вот поверишь, она говорила, а мне вроде как прямо от слов ее легче становилось. Это я сейчас понимаю, что от обезболивающих, а тогда казалось, что это она меня держит и с того света тянет. И ведь вытянула же! На операции настояла... — Петрович поскреб сизый подбородок... — Я когда в реанимации лежал, слышал, как медсестры про меня шептались, что такого бедового никакая операция не спасет, что не выкарабкаюсь. Я почти поверил, даже и карабкаться не хотел, а она снова ругаться начала и боль забирать...

Петрович надолго замолчал. Матвей тоже молчал, не мешал, подобрал с земли прутик, принялся чертить на земле спиральки. Значит, Алена Михайловна в прошлой, добезумной, жизни была кардиохирургом. Скорее всего, даже неплохим и состоявшимся в профессии специалистом. Вон ведь доктор Джекил состоялся как главврач образцово-показательной психиатрической больницы, а она чем хуже? Другое странно — отчего молодая и успешная барышня вдруг превратилась в странное существо из палаты номер четырнадцать? Что с ней такое должно было приключиться?..

— Все равно ведь расскажут. — Петрович смотрел себе под ноги, и было не понять, с Матвеем он разговаривает или сам с собой. — У нас же людишки всякие попадаются. Так лучше я сам, чтобы ты не нахватался от других чуши...

— Какой чуши? — удивленно переспросил Матвей.

— А такой! — неожиданно зло рыкнул санитар. — Чуши про Алену Михайловну. Я-то знаю ее получше некоторых...

— А что с ней не так?

— Все с ней не так. — Петрович зашвырнул окурок в урну и тут же закурил новую сигарету. — Неправильно с ней как-то, не по-человечески. — Он снова замолчал.

— Отчего она такой стала? — спросил Матвей, чтобы сдвинуть наконец этот странный разговор с мертвой точки. — Стресс какой-то перенесла?

— Стресс?! — Петрович посмотрел на собеседника так, словно это он, Матвей, был сумас-

шедшим, а не девушка из палаты номер четырнадцать. — Ну, не знаю, как это назвать, может, и стресс... Ты вот послушай. У нее дед в Беларуси жил, в глуши какой-то болотной.

— В глуши болотной? — Матвей не единожды бывал в Беларуси, но особой глуши ему там видеть не доводилось. Может, не в тех местах бывал?

— Ага, мелиорация там не все болота убила, остались еще заповедные уголки.

— И в одном из таких заповедных уголков жил ее дед?

— За клюквой она пошла. — Петрович словно и не слышал вопроса. — Там клюква водится, на болотах. Ты ел когда-нибудь клюкву? А, пацан?

— Ел, — Матвей кивнул, — клюкву в сахаре.

— Клюкву в сахаре! — передразнил санитар. — А там не в сахаре, там на болоте. Я знаю, однажды хаживал с бывалыми, еще в восьмидесятых. Там такие специальные тропки, местные их хорошо знают, для них это как по парку прогуляться. А вот если такой, как ты, горожанин, попробует сунуться, то может и не вернуться.

— Она заблудилась на болоте, что ли?

— Да погоди ты! — взмахнул рукой Петрович. — Что ж ты догадки строишь, недослушав?! Что вы вообще за поколение такое нетерпеливое!

Вообще-то Матвей относил себя к тому же поколению, славной представительницей которого была так горячо любимая Петровичем Алена Михайловна, но спорить не стал, для пользы дела предпочел промолчать.

— Знала она болото! И лес вокруг знала. Она же в детстве каждое лето там проводила, а дети — они ж все излазают. В тот день она одна на болота пошла.

— За клюквой? — зачем-то уточнил Матвей.

— За клюквой. — Петрович кивнул. — Она пошла, а дед дома остался. Рассказывал, радикулит скрутил, а если бы не скрутил, ни за что бы не остался. Он еще резвый был мужик, Алены Михайловны дед.

— Был?

— Помер. Два месяца уже как. От инфаркта, представляешь? Вот была бы она в порядке, деда бы непременно с того света вытащила, а так раз — и помер. Нашли уже холодным через день. Не пережил, выходит, того, что с внучкой приключилось.

— А что приключилось? — Матвей нетерпеливо поерзал на скамейке.

— Что приключилось? — Петрович глубоко затянулся, стряхнул пепел прямо себе под ноги. — Как пошла она на болото, так и пропала. Обещала по свету вернуться, а не вернулась и к ночи.

— А дед что?

— А дед ничего. Я ж говорю, места глухие. Добрался к утру кое-как до ближайшей деревни, поднял народ. Ну, какой народ... егерей, участкового да пару мужиков, что потрезвее да потолковее. Только сунулись на болото, как туманом все затянуло, пришлось на четыре дня поиски отложить.

— Из-за тумана? — усомнился Матвей.

— Вот представь себе! Туман туману рознь. А у них там, на болоте, и вовсе какая-то чертовщина

творится, местные и в ясный день стараются его стороной обходить, а уж в туман...

— Что за чертовщина?

— А мне откуда знать? — Петрович пожал плечами. — Знаю, что Алену Михайловну только на пятый день стали искать. И нашли на самом краю топи. — Санитар снова ненадолго замолчал, выплюнул окурок, забыв об урне, впечатал каблуком в землю.

Вот, значит, как. Получается, девчонка пять суток на болоте провела. Срок, конечно, немаленький, но разве ж от такого можно умом повредиться? Если только предрасположенность была... Озвучивать эту деструктивную мысль Матвей не стал и внимательно посмотрел на Петровича.

Наверное, сомнения были написаны у него на лице, потому что санитар поморщился и заговорил, на сей раз вроде как даже нехотя:

— У нее одежда вся была в крови. Одежда в крови, а ран на теле никаких... А потом Алена Михайловна в себя пришла. То есть не пришла... Как только глаза открыла, так и закричала, руками замахала, точно отбиваясь от кого-то...

А вот это уже гораздо интереснее. Задумавшись, Матвей вытащил сигарету из пачки Петровича. Это хоть как-то проясняет ситуацию.

— Может, на нее напал кто-то там, на болоте? — спросил он, прикуривая.

— Кто? — Петрович вперил в собеседника недобрый немигающий взгляд.

— Ну откуда же мне знать, кто! — Матвей пожал плечами. — Я просто сделал предположение. Если напугана и в крови, значит, вполне вероятно, что

на нее кто-то напал. Может, она этого кого-то ранила или... — Он запнулся.

— Вот именно — или... — Петрович невесело вздохнул. — Ну, договаривай уже! Убила?

— Я этого не говорил. — Сигарета вдруг сделалась горькой до одури. Матвей поморщился и запустил ее в урну.

— Ты не говорил, а другие говорят, как там, так и тут. Там, в окрестных лесах, не только местные бывают. Иногда приезжие ошиваются: кто ту же клюкву собирает, кто охотится, а кто землю роет.

— А землю зачем рыть? — не понял Матвей.

— Партизанский край, — сказал Петрович мрачно. — Там в земле чего только нет, хочешь нашего, хочешь немецкого. А это по нынешним временам дорогой товар, я по телевизору видел. Вот они и лезут, как тараканы...

Матвей задумался, с черными копателями история становилась еще логичнее. Ребята среди них попадают всякие, наверняка и отморозков хватает. И что сделает такой отморозок, если повстречает в лесу одинокую беззащитную девушку? Да мало ли что?! Тут уже возникает совсем другой вопрос — как далеко может зайти девушка, защищаясь? И ответ очевиден, во всяком случае, для Матвея. Может, у нее с собой нож был? Полоснула гада в состоянии аффекта, а потом поняла, что натворила, и тронулась умом.

— Что, паря? По глазам вижу, ты уже прикидываешь, чем Алена Михайловна ту падаль пырнула? — Петрович недобро сощурился. — Вот и остальные так же думают. Тем более что одновре-

менно с Аленой Михайловной еще кое-кто без вести пропал.

— Кто?

— А кто ж его знает?! Через неделю бабка местная участковому рассказала, что ее постоялец на болото ушел и не вернулся. Бабка старая, из ума выжившая, ни на один вопрос внятно ответить не может. Ушел да и ушел, главное, деньги за постой наперед заплатил. А как звали, как выглядел, она не запомнила, сказала только, что молодой, но, ты же понимаешь, для столетней бабуськи и я за мальчишку сойду.

— И искать его не пытались? — спросил Матвей.

— Так а кого искать? Ни заявления, ни документов никаких. Опять же родственники тревогу не бьют, а местные все как один в несознанку ушли: никто ничего не видел, ничего не слышал. Да и кому нужен лишний геморрой? Правда, дед Алены Михайловны рассказывал, что сам пытался этого пропавшего постояльца искать, но так и не нашел.

— Кому рассказывал? — удивленно спросил Матвей.

— Мне. Он зимой приезжал, хотел Алену Михайловну забрать. Она ж к нам не сразу попала, какое-то время там, в местной психушке, лежала. Это уже потом ее начальник всполошился, сюда перевез. А тут еще оказалось, что наш главврач ее однокурсник. Короче, удачно все сложилось.

В том, что все сложилось удачно, Матвей очень сильно сомневался. Достаточно было вспомнить расфокусированный взгляд пациентки из четырнадцатой палаты.

— Так а зачем же тогда дед ее забрать хотел, если все удачно?

— Ну как удачно?! — Петрович на секунду растерялся. — В том смысле удачно, что можно было ее долго в больнице держать. Начальник место на работе оставил, на случай если она все-таки выздоровеет, а Егор Васильевич выбил у какого-то там благотворительного фонда бесплатное лечение. У нас же лечение о-го-го какое дорогое, а тут бесплатно и почти бессрочно. Понимаешь?

Да уж, бессрочно. Как-то не слишком гуманно и совсем неоптимистично...

— А дед забрать хотел, потому что переживал сильно. Думал, что это плохое место для его внучки. Но главврач его переубедил. Да тут и простому деревенскому деду ясно, что Алена Михайловна больна. Короче, вышел старик от главного сам не свой, с трясущимися руками, а тут я. Вот мы и поговорили... И знаешь, что он мне сказал? Что во всем случившемся виноват туман.

— И что там с туманом? — не понял Матвей.

— Да не с туманом, а с болотом. Знаешь, как местные называют лес вокруг болота? Сивый! А догадываешься почему?

— Из-за торфяников? — предположил Матвей. — Летом торфяники горят и дымят. Дым сизый-сивый.

— А вот и не угадал. — Петрович покачал головой. — Торфяники ни при чем. Из-за туманов! Туманы в тех местах особенные. Ни один местный в туман на болото не сунется. И не потому, что можно заблудиться, там что-то другое.

— Что? — не выдержал Матвей.

— Не знаю! — Петрович зло сплюнул себе под ноги. — Старик не рассказал. Сказал только, что

это болото во всем виновато и он сам, потому что внучку одну отпустил.

— Так, может, и мужик тот тоже из-за тумана пропал? — предположил Матвей. — Заблудился, оступился, утонул...

— Какой мужик? — Петрович посмотрел на него удивленно, точно не сам только что рассказывал дикие истории про страшный туман и исчезнувшего горожанина. — Какой мужик, молодой? Не было там никого! Да и вообще не наше с тобой это дело. Наше дело — следовать должностным инструкциям. Ясно?

Вместо ответа Матвей пожал плечами. Все-таки странный ему достался напарник. Зачем вообще заводить весь этот разговор? Чтобы потом сказать — ничего не было, не наше дело?..

Петрович в его сторону не смотрел, с мрачной сосредоточенностью перебирал узловатыми пальцами свои бесчисленные ключи. Матвей ему не мешал, запрокинув голову, наблюдал, как сквозь молодую листву пробивается яркое майское солнце.

— Тебе тут станут рассказывать, что Алена Михайловна не просто так у нас, что главврач связи подключил, из жалости ее в психушку устроил, чтобы, если вдруг какие улики всплывут, с нее спросу не было. Какой с сумасшедшей спрос?.. — Петрович встал, загородив собою солнце, сверху вниз посмотрел на Матвея, спросил строго: — Эй, ты слышишь меня, молодой?

— Слышу. — Матвей кивнул.

— Так вот — не верь! Ни единому слову не верь. Не такая она. Я точно знаю! И нечего здесь рас-

сиживаться! Пойдем к сестре-хозяйке спецодежду получать!

Не дожидаясь, пока Матвей встанет с лавочки, он развернулся и побрел к административному корпусу...

* * *

...Раньше мир был густым и серым-серым. Алена казалось, что она находится в самом центре тумана, не обычного, а особенного, способного мучить и глушить своих обитателей. В этом мире Алена была не одна. Иногда из тумана выплывали безмолвные тени, тянули к ней руки, обступали, разглядывали, пытались что-то сказать. Теней она не понимала, но не боялась. Они были нестрашные, просто слишком настойчивые, отвлекающие от чего-то очень важного, чего-то такого, что девушке хотелось, но все никак не удавалось вспомнить. В сером мире тени были незваными гостями, такими же, как и она. Алена это точно знала.

Она боялась других, настоящих обитателей тумана до дрожи в пальцах, до онемения губ, до нервных колик. Другие ее не обижали, но в отличие от теней они могли говорить. Они говорили и говорили: молили, нашептывали, угрожали. Они касались лица Алены невидимыми пальцами, тянули за волосы, путались в подоле платья. Они были повсюду, и спрятаться от них в сером мире не имелось никакой возможности. Оставалось прислушиваться, вздрагивать от прикосновений и бояться.

Она не запомнила, когда именно серый мир начал меняться, просто однажды заметила светящиеся прорехи в окружающем сизом мареве. Иногда, когда прорехи становились особенно большими, Алена могла видеть то, что за пределами тумана. Нечетко, размыто, словно через гигантское увеличительное стекло. В такие моменты ей казалось, что безобидные тени обретают плоть и голоса, а те, другие, которые хозяева, начинают злиться и нервничать. Бывало, Алена подходила к прорехам так близко, что начинала видеть по-настоящему. Серые стены, коричневый пол, белая паутина решетки на окне, свои руки...

Собственные руки пугали Алену едва ли не сильнее всего остального. Худые, полупрозрачные, принадлежащие уже не ей, а тому другому, внетуманному миру. Они не слушались, они были сами по себе, и это казалось так жутко и так неправильно, что Алена отшатывалась от прорехи между мирами, пряталась в спасительной серой мгле, где рук не было видно вовсе. Но каждый раз, когда ее сизый кокон вспарывала очередная вспышка света, когда Другие с тихими вздохами замирали где-то позади, Алену с неумолимой силой тянуло к прорехе, чтобы посмотреть на мир за туманом и понять что-то очень важное...

— ...А на улице сегодня погода такая чудесная... — Алена испуганно вздрогнула: раньше тени никогда с ней не заговаривали. — Вот просто райская благодать. Через часик непременно сходим на прогулку. Да, Алена Михайловна?

Алена Михайловна — это же что-то значит... Это же что-то из другого, не серого мира. Из того мира, где ее руки ей не принадлежат, где невкусно пахнет хлоркой, где во рту постоянно горько, а глазам больно от яркого света. Недружелюбный, злой мир. И в нем тоже есть Другие. Они приспособились, научились просачиваться сквозь прорехи. Их тоже тянуло к свету, как Алену, как мотыльков...

Мотыльки... хрупкие крылышки, хрусткие тельца, едва различимый шепот и едва уловимые касания. В цветном мире Другие обрели плоть, очень ненадежную, рассыпающуюся прахом под непослушными Алениными пальцами, планирующую к ногам сорванными лепестками полупрозрачных крыльев. Другие умирали без своего тумана, и в их смерти Алена винила себя...

— ...Я вас познакомить хотел с нашим новым... сотрудником. — Одна из теней, знакомо пахнувшая сигаретным дымом и чем-то кисло-прогорклым, подтолкнула к ней другую тень. — Алена Михайловна, это Матвей, мой напарник. Я его уже проинструктировал, он вам докучать не станет. Не станешь же?

У другой тени был красивый запах, он сплетался вокруг Алены в ажурное кружево, щекотал ноздри, путался в волосах. Это хорошо, теперь пойманный в ловушку из волос запах останется с ней надолго. Может быть, ей даже удастся забрать его с собой в серый мир, и тогда будет не так страшно.

Тихий шорох за спиной отвлек от мыслей о запахе. Другие... Им тоже хочется вместе с Аленой остаться в цветном мире, даже если он их убьет...

— Выключите свет... — Слова были не ее, они, как и непослушные руки, принадлежали этому пугающе яркому месту. Звуки рождались сами собой, а Алена с удивлением к ним прислушивалась. — Когда нет света, они не летят. А со светом летят и разбиваются... У них хрупкие крылья, они ломаются. Понимаете? Им, наверное, что-то нужно от меня, а я не понимаю, что...

Она и в самом деле не понимала, просто чувствовала их боль, злость и отчаяние. Это ощущение было почти таким же ярким, как цветной мир, и таким же безнадежным, как серый туман, выстилающий ее убежище.

Она так и не поняла, погас ли свет, потому что прореха между мирами начала вдруг затягиваться. Нужно уходить туда, где безопасно, прочь от говорящих теней и ярких красок.

Запах увязался следом, прошмыгнул вслед за Аленой в прореху, пристроился на плече невидимым лазутчиком, мурлыкнул что-то неразличимое, но точно ласковое. Алена улыбнулась и впервые за бесконечно долгое время подумала, что цветной мир может быть не таким уж и страшным местом...

Ася. 1943 год

Летчик лежал на спине, раскинув в стороны руки. Сердце вдруг занялось от дурного предчувствия. Не успела! Она к нему через весь лес, через Гадючье болото, а он не дождался...

Из последних сил заставляя себя верить в чудо, Ася подобралась к неподвижному телу, потянула пропитан-

ный болотной водой край парашюта и перед тем, как взглянуть на летчика, крепко зажмурилась.

...Он был совсем молодой. Если и старше самой Аси, то ненамного. Молодой, красивый и безнадежно мертвый. Она сразу это поняла, потому что у живых не бывает такой смертельной бледности, потому что живые не лежат вот так в ледяной болотной жиже. Опоздала...

Где-то на краю болота уже совсем близко забрехали собаки, и Ася испуганно вздрогнула. Теперь ей точно нет дороги обратно, теперь ей только вперед, в Гадючье болото, в то самое, в котором нет ни тропок, ни гатей, которое даже батя обходил стороной.

Она вытерла навёрнувшиеся на глаза слезы, кончиками цепенеющих от холода пальцев коснулась щеки парня. Его нельзя было оставлять вот так. Но что с ним делать, с этим так и не дождавшимся ее летчиком, когда собственных сил едва хватает, чтобы держаться на ногах?! Оставить на растерзание фашистским псам? А у него, наверное, родители и любимая девушка, и никто из них так никогда и не узнает, как и где он погиб...

Расстегнуть пропитавшуюся водой летную куртку казалось непосильной задачей, но Ася не сдавалась. Стиснув зубы и стараясь не слушать собачий лай, она искала документы. Хоть что-нибудь, что в далеком послепобедном будущем станет памятью и доказательством его геройской гибели.

Ася нашарила документы во внутреннем кармане куртки, не глядя, сунула себе за пазуху и, повинуясь секунднему порыву, склонилась над лицом летчика. Она думала, что его щека будет холодной, а она оказалась теплой. Чуть колючей от пробивающейся щетинны, но теплой. И сердце под гимнастеркой билось громко и уве-

ренно, несмотря на черное кровавое пятно, растекающееся на боку. Жив! Она успела, а он дождался!

В то самое мгновение, когда Асины губы коснулись теплой небритой щеки летчика, а ладони почувствовали биение его сердца, страх и безнадежность отступили. Он жив, а значит, все это не зря. Значит, теперь она просто не имеет права сдаваться, она должна спасти человека. Не важно как – да хоть на себе! – вытащить его из этого гиблого места.

Летчик был тяжелый, наверное, раза в два тяжелее Аси. Даже просто на то, чтобы поднять его с земли, ушли все силы.

– Волоком, – прошептала девушка, стиснув зубы, – я потащу тебя волоком. Ты только не умирай. Слышишь, родненький?

Он ее не слышал, зато собаки, кажется, почували: тишину вспорол их радостно-нетерпеливый лай. Асе оставалось надеяться только на чудо, а еще на то, что немцы побоятся соваться на болото. Немцы побоятся, но что им мешает спустить собак?..

Пальцы дрожали, когда Ася расстегивала кобуру, неожиданно тяжелый боевой пистолет едва не выпал из рук. Она не умела стрелять и не знала, как пользоваться оружием, но точно знала, что без боя этим сволочам не дастся. И летчика своего не отдаст...

...Туман упал на болото внезапно, тяжелым ватным одеялом укутал все вокруг. Еще секунду назад сквозь редкие деревья пробивались скупые солнечные лучи, и раз – все потонуло в клубящейся тьме. Это было страшно, едва ли не страшнее фашистов с их волкодавами – самый настоящий Гадючий туман, тот, которого все боятся и который унес уже не одну жизнь.

– Не бойся, родненький! – Ася вцепилась в рукав летчика за мгновение до того, как перестала различать его в тумане. – Ты, главное, не бойся. Это даже хорошо, это значит, что нас не найдут...

Она сидела на холодной земле, прижимая к себе раненого парня, целиком превратившись в слух. Туман казался живым и мертвым одновременно. Ася не знала, как такое может быть, просто кожей чувствовала его угрожающую ненормальность. До рези в глазах она всматривалась в сизое марево, и временами ей мерещилось, что она что-то видит. Длинные, извивающиеся тени возникали и тут же растворялись в тумане, а от непонятно откуда исходящего вибрирующего звука сводило скулы и хотелось завывать в голос. Совсем рядом, там, где всего в нескольких метрах от Аси раньше масляно-черным пятном выделялось болотное «оконце», вдруг что-то громко забурило.

Газы, болотные газы... Батя рассказывал, что иногда они поднимаются со дна. Не нужно бояться, нужно просто дождаться, когда туман уйдет.

Злой собачий лай всколыхнул сизое марево, а через мгновение из тумана вынырнула клыкастая песья пасть. Ася зажмурилась, забыв про пистолет, закрыла лицо руками. Она уже готовилась к смерти, на память пришли слова молитвы, той самой, которую каждый вечер шептала мама и которую Ася старалась не запоминать, когда в окружающем непроглядном мире что-то изменилось. Пес вдруг зашелся отчаянным визгом, а туман забился в конвульсиях, взорвался брызгами холодной болотной воды.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Туман стал самым обыкновенным, нестрашным и безмолвным, а собачий вой, испуганный и затравленный, теперь доно-

силса откуда-то издалека. Ася стерла с лица смешанную со слезами воду, нашарила шершавый рукав летной куртки и вцепилась в него с такой силой, что заболели пальцы.

– Все, родненький мой. – Слова острыми колочками застревали в пересохшем горле, не давали дышать полной грудью. – Все закончилось. Я же говорила... Теперь только немножко осталось потерпеть, я тебя перевяжу, и мы пойдём.

На самом деле Ася не знала ни как они пойдут, ни куда. Дома план казался ей простым и ясным: она найдет сбитого летчика и передаст его партизанам. А сейчас что? Летчика она обнаружила, а где искать партизан? Потом. Она будет думать об этом потом, а сейчас нужно наложить повязку.

Ася вытащила из-за пазухи торбу, размотала обвязанный вокруг талии рушник, нашарила теплый от все еще сочащейся крови бок летчика, изо всех сил перетянула его рушником. Вот так. Теперь нужно дождаться, когда спадет туман...

– ...Все равно помрет. – Голос был похож на змеиное шипение. Ася испуганно взвизгнула, завертела головой, пытаясь понять, откуда он доносится. – Крови много в болото ушло... поцифовали они...

– Кто вы?! Где вы?! – Ася вытянула перед собой руку с зажатым в ней пистолетом. – Выходите! Предупреждаю, я стрелять буду!

– Не шуми, дура-девка. – Туман вдруг сгустился, приобретая человеческие очертания. Или не совсем человеческие...

Если бы комсомолка Ася Раевская верила в сказки, то подумала бы, что перед ней кикимора или Баба-яга, но она не верила, поэтому строго-настрого запретила себе бояться. Набоялась уже, хватит!

Женщина была старой. Темное, цветом сравнявшееся с землей лицо пересекали глубокие морщины, из-под низко надвинутого на лоб черного платка вдоль впалых щек свисали салтные седые космы, а вокруг тонкой старушечьей шеи серо-зелеными кольцами обвивалась болотная гадюка. Живая, зло косящаяся на Асю янтарным глазом...

– Не шуми, – прошамкала старуха беззубым ртом. – Нельзя здесь шуметь. Они не любят.

– Кто? – спросила Ася, не опуская пистолета.

– Много вопросов задаешь... – Старуха погрозила ей деревянной клюкой, а потом с неожиданным для ее возраста проворством подскочила к раненому летчику.

– Не подходите! – Ася испуганно взмахнула пистолетом, и в ответ на это гадюка угрожающе зашипела.

– Хочешь, чтобы он помер? – Старуха даже не смотрела в Асину сторону, ее сучковатые пальцы исследовали сначала лицо летчика, потом рану в боку.

– Нет, я хочу, чтобы он жил. – Испуганно косясь на гадюку, Ася опустила пистолет.

– А как хочешь, так не мешай! Не нужен он мне тут. Их тут и так много, а я покоя хочу... – Она бормотала что-то непонятное, а сама быстро и ловко срывала наложенную Асей повязку.

Рана была страшной. Теперь, когда туман немного рассеялся, стало совершенно ясно, что никакая повязка не поможет. Ася закусил губу, чтобы не расплакаться...

– Плохо... – Из складок юбки старуха вытащила кيسет, достала из него какую-то высушенную траву, растерла в пальцах и получившимся порошком присыпала кровоточащую рану, а потом наклонилась низко-низко и что-то быстро зашептала.

Наверное, это был заговор. В Васьковке жила бабка, которая, по слухам, умела заговаривать хвори, как человечьи, так и скотинкины, сводить бородавки и зашептывать испуг и заикание. Васьковской бабке Ася не верила, а сейчас, когда вслушивалась в невнятное бормотание, вдруг до боли в сердце захотела поверить. Пусть бы случилось чудо, пусть бы этот порошок и эти непонятные слова помогли ее летчику, вырвали из загребущих лап смерти...

– Кровь нужна... – Старуха обернулась и уставилась на Асю серыми бельмами глаз. Гадюка тоже уставилась, и девушке вдруг показалось, что старуха видит мир змеинными глазами.

– Какая кровь? Чья?

– Твоя. – В костлявой руке блеснуло лезвие. – Жалко? – Тонкие губы растянулись в издевательской усмешке. – Если жалко, так и скажи, мне все равно. Он быстро помрет, не будет мучиться. Не на этом свете...

– Бери! – Ася протянула раскрытую ладонь.

– А ты отчаянная, девка. Он тебе кто?

– Он мне товарищ!

– Товарищ, значит. Ну, коли товарищ...

Ася не заметила, как лезвие полоснуло по коже, только вскрикнула от острой боли. Старуха прижала ее окровавленную ладонь к ране и снова что-то забормотала. Боль вдруг сделалась нестерпимой, небо над головой превратилось в синюю карусель, а по телу разлился холод...

* * *

Новичок ему нравился. Петрович прожил на свете уже не один десяток лет и в людях научился разбираться безошибочно. У этого залетного парнишки,

гладко выбритого, тщательно причесанного, аккуратно одетого, политого хорошим одеколоном, не было ни единого шанса задержаться в психушке надолго. Работа санитаром для такого лишь ступенька, перевалочный пункт между чем-то гораздо более престижным и интересным, такая вот незатейливая попытка продержаться на плаву в лихую годину. Случайный человек... И это, надо сказать, еще не самый плохой вариант. За годы службы Петрович успел посмотреть на всяких типчиков. В его личной классификации было несколько определений тем чудакам, которым вдруг взбрело в голову поработать санитаром в психиатрической клинике.

К первой относились вот такие — залетные и случайные. Иногда среди них попадались хорошие люди, иногда — полная шваль. Все, как в жизни, только острее и ярче. Они и были частью обычной жизни, несли ее отпечаток на одежде и лицах. И никогда не задерживались в больнице надолго, пережидали свои собственные сложные времена и уходили.

Ко второй и, пожалуй, самой беспокойной категории принадлежали студенты-медики. Эти разудалые ребята дежурили большей частью по выходным и ночами, работали без огонька, частенько из-под палки, а к пациентам относились с какой-то по-детски легкомысленной бравадой и еще не впитавшимся в кровь, но уже пустившим корни врачебным цинизмом. Иногда их приходилось крыть матом за безалаберность, иногда, особенно спокойными ночами, случалось пропустить с ними по рюмашке-другой, но положиться на них

можно было почти всегда, потому что, Петрович это шкурой чувствовал, вместе с профессиональным цинизмом рождалось и другое, куда более гуманное чувство ответственности за вверенную тебе человеческую душу.

К третьей категории Петрович относил таких, как сам, старых псов, прикипевших к больнице с ее своеобразным укладом и странностями, воспринимающих жизнь вне больничных стен как что-то патологическое. Их было мало, можно пересчитать по пальцам одной руки, но с ними все казалось просто и понятно. Легко понять такого же чудака, как сам...

Имелась и четвертая, особенно опасная группа — идейная. Идеи были разными: когда патристическими, когда патологическими. Главным патриотом больницы являлся главврач, молодой, пылкий, порой едва ли не более непредсказуемый, чем его пациенты. Иногда Петровичу казалось, что, резво взбираясь по служебной лестнице, этот еще зеленый и совсем неглупый парень потерял что-то очень важное, что-то такое, что не мог заменить даже очевидный профессионализм и искреннее радение за судьбы подопечных. Впрочем, такие мысли приходили к Петровичу нечасто, только после пятой рюмки беленькой, а в спиртном во время дежурства он себя ограничивал. Три рюмки были его профессиональным максимумом, а четыре и пять — уже исключением из правил. Исключения и поблажки Петрович позволял себе редко, что бы там про него ни говорили, свою

норму он знал и однажды установленные рамки нарушал нечасто.

Со случайными людьми, студентами и патриотами можно было мириться. Те, кого Петрович по-настоящему не любил и опасался, стояли особняком и, по большому счету, мало чем отличались от пациентов больницы. Эти оказывались в стенах лечебницы не по велению души, не из-за жизненных обстоятельств и не из-за профессионального долга, а из-за патологического любопытства, дикого желания с головой погрузиться в чужой безумный мир, получить драйв. Драйв — вот как назывался алчный блеск в их глазах, подрагивающие руки и выражение животного нетерпения на лицах. Таких Петрович обходил стороной, отказывался даже от халявной водки, потому что чуял в них особенную мерзкую червоточину и не хотел мараться.

Новичок поначалу показался ему таким же, нетерпеливо-жадным до чужого страдания, но лишь в первое мгновение. Уже совсем скоро, знакомя парня с устройством больницы и зачитывая бесчисленные служебные инструкции, Петрович понял, что, возможно, впервые в жизни ошибся в классификации. Новичок был нормальным. Вот просто совершенно нормальным: в меру сочувствующим, в меру человечным, в меру брезгливым, в меру любопытным. В этой сбалансированности таилось даже что-то странное, но червоточины не было однозначно. Может, потому он и дал слабину, попытался объяснить новичку чуть больше, чем объяснял его предшественникам. Особенно про Алену Михайловну... Вот просто до боли за-

хотелось, чтобы пацан понял, что она не обычная пациентка, что с ней нужно иначе: без лишнего нажима, с уважением и с терпением. Никому раньше Петрович не рассказывал ее историю, не спорил с теми, кто считал ее в чем-то виноватой, не поддакивал тем, кто называл ее бедной девочкой и жалел из профессиональной солидарности. Он просто выполнял свою работу и, как мог, пытался оградить Алену Михайловну от внешней грязи. А теперь вот нарушил собственные правила, посвятил в чужую беду совершенно незнакомого мальчишку. Может, зря? Время покажет...

— Петрович, ну я готов! — Новенький стоял перед ним в белоснежном, отутюженном и даже вроде как накрахмаленном халате и выглядел так, словно и в самом деле готов ко всему тому, что ему предстоит. — Командуй!

Он не чурался грязи, этот лощенный с виду парнишка! В первый день с новичками бывает особенно тяжело, со всеми. Со всеми, но не с Матвеем. Он сдал только однажды, в палате номер четырнадцать. Во время раздачи лекарств.

Строго говоря, это не было обязанностью санитаров — раздавать пациентам таблетки, но после того, как один из особенно буйных прокусил медсестре руку, это стало негласным законом. Ходячие и небуйные получали лекарства сами у постовой медсестры, а таким, как Алена Михайловна, таблетки разносили санитары. Разносили и следили, чтобы пациент таблетки непременно проглотил. Это было особое требование главврача — персонал должен строго контролировать не-

благонадежных для их же блага, разумеется. Алена Михайловна была хоть и блатной, но тоже неблагонадежной...

— Попроси, чтобы она открыла рот, — шепнул Петрович и сунул Матвею стаканчик с таблетками. — Проверь, чтобы все было нормально.

— Что нормально? — Новенький смотрел на него ясными серыми глазами и делал вид, что не понимает, о чем речь.

— Проверь, чтобы она проглотила таблетки, чтобы не спрятала за щекой или под языком, — повторил Петрович терпеливо.

Признаться, ему и самому было не по душе заставлять Алену Михайловну проходить через все это. Имелось в этой процедуре что-то унижительное, что-то такое, от чего он потом еще долго чувствовал себя скотиной. Но работа есть работа. Лекарства вроде как начали помогать, а пациенты в таком состоянии способны на всякое, так что лучше не рисковать, а делать все по правилам. К тому же, может, это только у него одного такое трепетное отношение к пациентке из палаты номер четырнадцать, а остальным все равно...

Матвею было не все равно, Петрович это сразу понял и еще раз мысленно похвалил себя за принципиальность. Похоже, парень и в самом деле неплохой. Или просто брезгливый?..

— А как?.. — спросил тот растерянно. — Как проверить?

— Обыкновенно! — зашипел Петрович, оглядываясь на безучастную к происходящему Алену

Михайловну. — Тебе самому в поликлинике, что ли, в глотку никогда не заглядывали?

— А если она рот не откроет?

— А если не откроет, то ты сделаешь так, чтобы открыла! — сказал он зло.

— Силой, что ли?

— Если понадобится, то и силой. Ты, паря, должен четко понимать, что делаешь все это не ради баловства, что это ради ее же блага.

— Главное, чтобы она сама это понимала, — огрызнулся Матвей и медленно, с неохотой подошел к Алене Михайловне.

Сегодня она не рисовала. Во всяком случае, бумага, которую принес ей вчера Петрович, так и лежала нетронутой на краешке стола, а руки у пациентки были чистыми и почти неподвижными. Тоже, наверное, хороший знак...

— Эй. — Матвей сделал шаг к койке, на которой она сидела, и под ногой у него что-то хрустнуло.

Петрович разглядел впечатанного в линолеум мотылька и болезненно поморщился. Уже и на форточку марлю натянули, а они все летят. Никак через вентиляционную шахту...

— Эй, — снова повторил Матвей, присаживаясь перед Аленой Михайловной на корточки.

— Что ты ей эйкаешь? — проворчал Петрович. — У нее имя есть.

— Да что ты говоришь?! — Парень обернулся, бросил на него язвительный взгляд. Вид у него при этом был такой, словно он вошел в клетку к разъяренной тигрице, а Алена Михайловна не буйная совсем. Ну почти...